Марина
СЕРОВА

ВЕНОК для мертвой Офелии

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Венок для мертвой Офелии

«Эксмо»
2013

Серова М. С.

Венок для мертвой Офелии / М. С. Серова — «Эксмо», 2013 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-68324-6

Жители поселка Лопатниково с интересом смотрят спектакль, устроенный молодой актрисой Асей. Девушка читает монолог Офелии из «Гамлета» Шекспира, все завороженно слушают, и только частный детектив Таня Иванова замечает некие странности поведения актрисы. Та явно кого-то боится… А на следующий день тело красавицы Аси, усыпанное белыми цветами, находят в реке… Сама ли утопилась «Офелия» или ей помогли – главный вопрос, интересующий Таню Иванову. Местный любитель спиртного Петрович, единственный свидетель произошедшего, рассказывает, что в этот день на холме у реки видел самого настоящего Дьявола с рогами и хвостом и в длинном черном плаще…

ISBN 978-5-699-68324-6

© Серова М. С., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Марина Серова
Венок для мертвой Офелии

Послушная Офелия плыла на восток
Чудесный плен, гранитный восторг
Лимонная тропинка в апельсиновый лес,
Невидимый лифт на запредельный этаж…
Егор Летов

Глава 1

Я сидела на берегу реки, как Аленушка на известной всем с детства картине Васнецова. Головка лирично склонена, вокруг – деревья, птицы поют. Правда, одета я была не в деревенское платьице, а отчего-то в сногсшибательный наряд от Гуччи: платье из бледно-голубого шелка с вкраплением маленьких стразиков, и туфли на мне были с высокими каблуками. По-хорошему, я должна была задаться вопросом, как я вообще забрела в эту болотистую местность на этаких каблучищах, однако сон есть сон, и спрашивать мне было не у кого. Дедушка Фрейд в мой сон не заглянул. Итак, я сидела на берегу, вокруг меня возвышались сосны, пели птицы, каркали где-то вороны – этакая деревенская пастораль, – и еще росли эти жуткие белые цветы, которые повсюду бывают в изобилии и которые я почему-то дико не люблю: они, кажется, называются «кашка». Я эти кашки срывала и пыталась сплести из них венок, он не получался, а то, что получалось, я даже не знала, как «обозначить». Наверное, удачнее всего подошло бы выражение «круглый веник». Но веников круглых не бывает. Не знаю уж, почему мне в голову пришло, что я обязана сплести этот венок, что от этого зависит моя дальнейшая судьба, и я билась, чертыхаясь, потому что вообще не люблю плести венки, мне легче сплести интригу, на худой конец – фенечку на руку, но уж никак не венок. Тем более из кашки.

Несмотря на то, что вокруг все было мирно и даже солнечно, я испытывала глухое чувство тревоги, мне было не по себе. Я хотела встать и уйти, но – не могла, потому что должна была кого-то дождаться, и не надо спрашивать кого – этого я и сама не знала. Но этот кто-то мне уже заранее не нравился. Наконец я услышала за спиной тихий, осторожный скрип веток, мне стало страшно, я начала оборачиваться, и… В это время, как и положено в классических кошмарах, громко и победно заорал петух. И я проснулась.

Если честно, я не сразу поняла, что я проснулась. Петух продолжал голосить, я дернулась, открыла глаза – и не сразу поняла, где я нахожусь. В окно через щелочку в занавеске мягко струился солнечный свет, во дворе действительно кричали петухи – да-да, петух из моего сна размножился, их стало много, и они явно собирались начать выяснение отношений. Помимо петухов, где-то вдалеке блеяла коза и слышался голос, укоризненно призывавший неведомого мне Саню немедленно отправиться на пастбище. Я села на кровати очень резко, рука дернулась, и – мешок с гадальными костями упал и открылся. Машинально я нагнулась посмотреть, что выпало.

Судя по тому, что вышло «14+28+10», меня ожидало шумное обсуждение неожиданных событий. Я усмехнулась – поскольку вспомнила, что нахожусь я в тихом местечке Лопатниково, в гостях у своей давней подружки Оли Барышниковой. Оля вела жизнь тихую и размеренную, как и подобает сельской учительнице, и вряд ли нас ожидали некие неведомые шумные события. Как говорится – и на кости бывает проруха. Я вновь опустилась на кровать и блаженно потянулась. На стене мирно тикали часы, показывая половину восьмого утра, а это значило, что я могу еще часа два спокойно спать, а может быть, и больше, потому что я удрала

сюда, в этот тихий поселок, с одной-единственной целью: отдохнуть и расслабиться, привести наконец-то в норму свою несчастную головушку и несколько потрепанные нервы.

Перед этой поездкой мне пришлось столкнуться с одним богатым неверным мужем. Чужим, конечно. Муж был со связями и с дурным характером. Я, кстати, заметила, что наличие богатства и связей как-то почти всегда сопровождается дурным характером. С чем это связано – для меня загадка. Вкратце история была такова: муж этот нанял меня, чтобы я собрала компромат на его супругу, милейшую женщину. Так уж получилось, что компромат я собрала на него. На нее собрать мне его не удалось. Он на меня разозлился до такой степени, что пригрозил лишить лицензии, на что я, нагло ухмыльнувшись, сообщила ему, что собранного материала хватит на уголовное дело и я передам все своим друзьям из Следственного комитета. После этого мне начали названивать и угрожать, и даже однажды поймали в подъезде – глупые люди, они не знали, что у Тани имеются два орудия битвы – острый каблук и пронзительный, громкий голос! Я отбилась, конечно, обратив тех двух амбалов в бегство, потому что мне на помощь поспешила соседка Галюня, вооруженная чугунной кастрюлей дореволюционного образца, в которой она собиралась варить холодец. Но после всего этого как-то очень сильно захотелось отдохнуть от городской суеты и привести себя в нормальное состояние. Поэтому я позвонила Оле и уже на следующий день была здесь, в этом маленьком оазисе мира и спокойствия, далеко от разврата цивилизации.

Эх, зачем же я начала вспоминать такие неприятные вещи?! Нет, Таня, надо уходить от дурацких воспоминаний, мы в раю, Таня, в раю, что нам тамошний ад с его чертями и служителями Золотого Тельца?

Я закрыла глаза, желая вновь заснуть. Даже принялась считать слонов. Но слоны превратились в коз.

– Са-а-а-анька! Стервь!!!

Я открыла глаза. Мне показалось, что голос прозвучал у меня над ухом. Неведомый мне Санька не отзывался.

– Са-а-анька! Ты жрать, что ли, не хочешь, зараза?!

Посмотрев на часы, я убедилась, что зловредный Санька мучает коз уже полчаса как минимум. Позавидовав его выдержке, я положила на ухо подушку, повернулась на бок и снова закрыла глаза.

– Са-а-а-аня!

На этот раз голос прозвучал как из подземелья, даже жалобный, словно несчастная дама была заточена в казематах и молила о пощаде.

– Сань, меня не жаль – коз пожалей!

Словно в поддержку речам бедняги, жалобно и укоризненно заблеяла коза.

И вот тут свершилось чудо. Я подумала было, что, может быть, мне надо встать и пойти помочь им с козьим выпасом, как вдруг услышала вполне такой «надтреснутый бас», и был он женским:

– Ну, чего ты на всю округу голосишь? Сейчас я их выведу…

«Ну, слава богу», – подумала я. Правда, мне захотелось взглянуть на обладательницу этого зычного голоса и мужского имени, чтобы проверить собственный, созданный моим воображением образ. Я представила себе даму в теле, крупных размеров и с внушительным бюстом. Подползла к окну и, к огромному изумлению своему, обнаружила, что басистая Санька – хрупкая девица со светлыми волосами и ангельскими глазами, и лет этой Саньке – около пятнадцати. Любопытство мое было удовлетворено, я проводила хрупкую деву с козами пристальным взглядом до самого луга и подумала – а не лечь ли мне опять почивать? Мягкая кровать манила меня к себе. В Тарасове я предпочитала иметь аскетичное лежбище, почти как у рахметова, с разницей только в том, что на гвозди лечь я не решилась, ограничившись полным отсутствием матраса. Тут же был не просто матрас, а воздушная, мягкая, как облако, перина,

которую Ольга не ленилась регулярно взбивать. И подушка – из настоящего козьего пуха, тоже воздушная и мягкая, поэтому казалось, что сплю я на облаках. Я с огромным трудом поборола искушение завалиться в эту роскошь снова. В самом деле – я же на отдыхе! Могу спать сколько мне хочется. Дел никаких нет. Но – я уже встала. И спать мне уже не хотелось. Тем более что за окном уже начался «период бурной жизни», и я знала, что это продлится до самого обеда, и только после этого жители поселка успокоются и отправятся отдыхать от праведных своих трудов до самого вечера. Поэтому я натянула джинсы, майку, легкие «балетки», вспомнила про мои туфли на каблуках из сна и хмыкнула. «Нет, дорогие мои туфельки, – подумала я, – пока полежите спокойно, тут, похоже, лучше передвигаться в легкой обуви».

Хлопнула входная дверь, послышался Ольгин голос. Она пыталась говорить тише, но это ей не удавалось. Так, а теперь стук ведра и радостный лай Ольгиной псины. К Ольге кто-то пришел. «В такую рань», – подумала я и, несмотря на все мои усилия отрешиться от мира и самоуговоры, что «подслушивать нехорошо», – на что тут же, вмомент, пришел ответ: «Да, но это часть моей профессии», – невольно, по привычке, начала прислушиваться к разговору за окном.

– Таечка, ты потише, – попросила Ольга, – Танюшку разбудишь…

– Ох, Оль, прости, нервы у меня никуда, забыла, что гостья у тебя…

Неведомая мне Таечка сделала попытку говорить тише, но хватило ее ровно на два слова. Потом голос ее опять окреп и стал громким:

– Так представь, Оль, как эта красавица-то приехала, Витька мой с ума будто сошел…

– Тай, ну вот зачем ты так о ней? – вздохнула Оля.

– Нет, Оль, я знаю, что она твоя родственница, но зачем Витьке-то на мозг снова капать, а? Вот зачем? Парень-то ее уже забывать начал, и – на тебе, снова-здорово!

– Тая! Они оба – взрослые люди, разберутся без нас с тобой!

Голос соседки Таи еще больше возвысился, почти до крика, а так как в интонациях ее преобладали стальные ноты и даже некоторая визгливость, я поняла, что эта Тая сильно нервничает и готова впасть в агрессивное состояние. Вспомнилась старая песенка «Где-то радио орет, как торгуются на рынке», и почему-то ощущение этого самого рынка, на котором торгуются, накрыло меня с головой. Вспомнился тот толстый и неприятный во всех отношениях чужой муж, угрожавший мне громами и молниями, его бедная жена, которую я предупредила о возможном исходе дела и от которой я узнала много интересного – например, что этот мерзавец убедил ее подписать брачный контракт, согласно которому в случае ее «измены» все имущество отходило к нему, а большая часть этого имущества досталась ей в наследство от родителей, людей довольно богатых. «Все, все, Таня, плохие мысли гоним прочь, мы тут далеки от этих людей». Я потянулась и поняла, что жить вполне можно, особенно здесь, в отдалении от всех тарасовских проблем и бед.

– Наконец-то отдых, Таня! – прошептала я. – Наконец-то отдых, и пускай соседки по утрам громко рассказывают Ольге о своих печалях, о том, что их повзрослевшие сыновья явно собираются испортить себе жизнь; пусть соседи кричат, взывая к Санькиной совести, пусть блеют козы, кричат петухи, пусть все-все будет, главное… Главное – ты, Таня, знаешь, что к тебе никто сегодня не явится со своими мужьями, женами, украденными счетами и взломанной важной почтой. Никто не будет тебе угрожать! Никому не нужна будет твоя помощь! Ну, разве что Саньке с выпасом коз. Ты, Таня, все эти пять дней будешь простой, местами примитивной отдыхающей теткой со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями… Ура, Таня! Да здравствует простая, ясная и спокойная жизнь! Хотя бы на несколько дней!

Я подошла к окну. Ольга стояла к нему спиной, поэтому она меня не видела, а соседка была слишком поглощена тревогой о своем сыне Витьке, который, как я поняла из ее слов, совсем сбрендил, потому что приехала эта «дура набитая, Аська», что вызывает у соседки Таи справедливые опасения – что все это вряд ли хорошо закончится. Дальше следовал рассказ о

неведомой мне парикмахерше Леночке и ее матери Маргарите, тоже парикмахерше, что у них бизнес семейный и в хозяйстве у них все ладно, а Леночка – и умница, и красавица, она ведь с Витьки пылинки готова сдувать, да разве кобелей этих поймешь, чего им надо?

«Это точно, – мысленно согласилась я с Таей-соседкой, – кобелей вообще понять трудно. То есть их можно понять и, даже потрудившись слегка, догадаться, почему их привлекают не хорошие парикмахерши Леночки, а беспутные шалавы типа этой Аськи, но лучше об этом не думать, потому что тогда слишком уж отчетливой станет порочная и примитивная сущность этих кобелей».

И даже флирт лишится романтичного флера, все превратится в бессмыслицу, ну а дальше пойдут «люди, львы, орлы и куропатки» и прочие непонятные животные, и – почему-то – козы. Видимо, Оля решила, что вступать в разговор не стоит, а может быть, просто соседка Тая не оставляла Оле возможности вставить слово, но говорила только она. Оля молчала. Тая уже и не говорила, а всплакивала и причитала. Последнее, что я смогла разобрать среди ее длинных подвываний и нечленораздельных междометий, щедро перемешанных с непечатными словами, было: «А вот деточки, Оля, как же с деточками, если он будет весь свой, можно сказать, пригодный возраст постоянно убиваться по этой профурсетке-то, я ж внуков не дождусь, беда какая с дитями-то, Оль, беда!» Я подумала еще философски – зачем ей внуки, вон как она с сыном замучилась, но вспомнила, как когда-то давно на мой такой же вопрос моя бабушка строго сказала: «Как зачем? Чтобы стакан воды было кому подать на предсмертном одре», – и немного успокоилась. Объяснение это показалось мне вполне логичным. раз сын не удался, то, может быть, есть надежда получить этот стакан воды от внука? Или внучки. Хотя я не уверена, что мне он так уж понадобится на моем смертном одре, что я соглашусь терпеть всю жизнь адские муки от своих неудавшихся детей. Да еще потом терпеть и внуков! Лучше просто завести привычку – ставить этот стакан рядом с одром ежедневно, на всякий случай. И ни от кого не зависеть.

Причитания соседки тем временем стихли, она переключилась на проходившую мимо другую соседку, Нину, голос Таи преобразился – она деловито спросила, куда та направляется, и, узнав, что в магазин, спросила: «Привезли, что ли?» Получив лаконичный утвердительный ответ, Тая забыла о своих печалях и засобиралась с Ниной в магазин. «И правильно, – резюмировала я про себя, – шопинг лучшее средство от депрессии». Правда, мне не удалось узнать, что же привезли в их магазин, но я подумала, что, в конце концов, можно это осторожно выведать у Оли. Впрочем, привезли что-то, нужное только Тае и второй соседке Нине. Оля на радостную весть никак не отреагировала. Она преспокойно занялась розами, которыми очень увлекалась, умудрившись засадить ими все положенные для помидоров и огурцов места. розы у нее, правда, были и в самом деле необыкновенной красоты, разных цветов, и их щедрое великолепие было отдыхом для моих глаз. Ольгиному терпению я удивлялась – как-то я тоже попыталась заняться розами, за неимением собственной фазенды начала рассаживать их на даче у Мельникова, потому что он там вообще ничего не сажает, кроме травы и бурьяна, и даже это сажает не он сам, а щедрая и трудолюбивая природа. Поэтому я разгребла небольшой участок от травы (Мельников при этом взывал к моей совести и вдруг начал проявлять странную набожность, уверяя меня, что трава эта произрастает по воле Божией и что если бы Господь пожелал, чтобы тут росли розы, Он бы их сам тут и посадил. На самом-то деле, как я подозреваю, дело было не в скромных желаниях Бога видеть на мельниковском участке исключительно дикорастущую траву, а в том, что Мельников-то пребывал в ожидании отдыха – «правильного», как говорится, и по дороге купил много пива, замариновал шашлыки… И я, с деловитым видом разгребавшая траву и высаживавшая розы, его явно раздражала, потому что он вожделел (конечно, не меня, меня он вожделеть уже давно перестал, поскольку все равно – никакого толку), а шашлык. А тут – я, в шортах его папы и растянутой футболке самого Мельникова, в идиотской красной выцветшей панаме, ползаю в траве, напоминая ему, по его словам,

его маму в молодости. Конечно, тут кто угодно разозлится! Однако я терпеливо высадила розы, а дальше все было по его плану. Вот только мои розы отчего-то выросли чахлыми, лишенными всякой красоты, и я до сих пор уверена была, что это с ними случилось оттого, что в их присутствии – в момент их, можно сказать, становления как личностей, – рядом стоял Мельников и грязно ругался. Но теперь я начала в этом сомневаться, Потому что соседки Ольги в выражениях тоже не стеснялись, более того – по этой части у них можно было пройти курс обучения и самому Мельникову, а розы тем не менее росли, цвели и пахли. Или у них уже выработался иммунитет? Или грязные ругательства Мельникова были менее художественными, чем у Ольгиных соседок? Матерились они, кстати, искусно – я даже невольно, внутри, им немного завидовала и восхищалась ими. Поскольку это были не просто ругательства, это были целые поэмы, с живыми, полнокровными образами и четкой, ясно высказанной в конце моралью. Скорее всего, именно поэтому у Ольги и получались такие же яркие, свежие розы. А что в самом деле Мельников, который и ругаться-то толком не умеет? Конечно, именно от этой неумелости его, а вовсе не моей, тогда ничего путного у нас и не вышло…

Солнце за окном уже высоко поднялось, розоватые облака лениво плыли куда-то в сторону Тарасова, уставшая от утренней «задушевной» беседы Оля звякнула ведром, и по звуку журчащей воды я поняла, что она занялась своим любимым делом: поливает драгоценные розы, которые у нее росли себе спокойно, не реагируя на всяких обывателей и их сквернословие, и в самом деле были на зависть большими, яркими и красивыми. роз вокруг дома у нее было море, как она с ними управлялась – я не знаю, но каким-то образом она ухитрилась создать настоящий цветник, при этом очень мало заботилась о хлебе насущном – ни коровы, ни коз у нее не было, только несколько кур, которые лениво прогуливались обычно по двору и, как мне казалось, яиц не несли. Жили просто так, как обычно в городской квартире живут кошки. Впрочем, кошки тут тоже были, и еще был огромный сенбернар Гоша, который большую часть времени возлежал на крылечке, лениво дремал и оживлялся, только когда появлялась еда в миске. Иногда к его миске приходили кошки и куры, и все каким-то загадочным образом уживались мирно и вместе гуляли среди Ольгиных роз. Гоша на то, что вокруг его миски собрались в несметном количестве незваные гости, реагировал спокойно и миролюбиво, даже вилял хвостом, наблюдая, как вся эта разноцветная стая ест его еду. Ни разу он не возмутился и не сожрал хотя бы одну курицу, да и кошки отчего-то к курицам относились снисходительно, без особого интереса, принимая их существование как трагическую неизбежность. Ольга с питомцами своими разговаривала, как с людьми, помнила их по именам, была с каждой тварью вежлива, и иногда мне представлялось, что ночами Ольга строит ковчег на случай конца света, поскольку всю эту свою живность она наверняка забрала бы с собой, настолько она их любила. В данный момент она вела задушевную беседу с курицей Ефросиньей, которая, похоже, пыталась ощипать листья на желтой розе.

– Ну, вот зачем ты это делала, Фросенька, зачем? – ласково увещевала ее Ольга. – Ты что, глупая у меня, не понимаешь, что листочки у розы – это ее жизнь? Да и посмотри, какие они красивые… Ну? Ты посмотри, посмотри!

Я уже представила себе Ефросинью, задумчиво и пристыженно рассматривающую испорченные листики розы, но, решив, что лучше увидеть все наяву, пошла к двери. Да и пора уже было наконец появиться перед глазами моей любимой хозяюшки Ольги.

Ольгу я знала давно, еще со времен моей беспечной юности. Она училась в универе, изучала английский. Познакомились мы с ней при весьма трагических обстоятельствах – я была девицей ветреной и нечаянно увела у нее тогдашнего бойфренда, к которому Ольга относилась очень серьезно. Тогда она еще не познакомилась с «милым Костиком» и считала, что прекрасный принц с гордым именем Славик Мартиров – ее судьба. Славик был чрезвычайно хорош собой: от матери-армянки он унаследовал густые черные ресницы, от русского отца – голубые

нежные глаза, и он умел смотреть так, что казалось, что он не ресницами хлопает, а тебя взглядом ласкает. Правда, потом-то я поняла, что он именно глупо, как кукла Барби при встряске, хлопает своими ресницами. И что он настолько же глуп, насколько и хорош собой. Но если уж я была наивной дурой в те времена и на целый вечер попала под обаяние этого Славика, которого, впрочем, быстро раскусила и постаралась о нем забыть, то чего можно было ожидать от Ольги? Она позвонила мне, вся в слезах, потребовала встречи. Я долго не могла врубиться, о ком она говорит и даже плачет, требуя, чтобы я оставила «его» в покое и не пудрила ему мозги, убеждая меня, что «он» любит только ее, а я – просто увлечение, не больше. Я ее успокаивала, удивлялась, что она, хоть и старше меня, умудряется сохранять такой пленительный наив, пыталась попутно вспомнить, кто такой этот Славик, твердо пообещала ей не разрушать основ ее мироздания в его лице, и хотя тогда она показалась мне довольно-таки неприятной и жалкой особой, но почему-то она меня тронула. Что-то в ней было от тургеневских барышень, и, когда она сказала мне к тому же, что очень любит Диккенса, я все поняла. Я сама любила Диккенса, и Ольга показалась мне одной из его героинь. Тогда я окончательно поверила в ее чувства и попала под ее обаяние. К концу нашей беседы мы обе забыли, кто такой Славик (то есть я и не вспомнила, а она – забыла), допили остатки «Токайского», сходили еще и за «Мартини», и вечер наш приятный затянулся до утра, а к утру мы были уже лучшими подругами. Я пыталась ее «развратить», для ее же блага, поскольку мне казалось, что ее излишняя романтичность и впечатлительность до добра не доведут. Таскала ее по своим тусовкам, знакомила с приятелями, которые были куда лучше ее избранников, в общем, прилагала массу усилий, чтобы спасти эту «диккенсовскую крошку» от грядущей грубой реальности жизни, которая запросто могла сломить столь нежное существо. Но мне это не удалось. Видимо, воспитание ее мамы – профессора литературы эпохи романтизма – сделало свое дело, и Ольга не поддавалась. Особенно роковую роль это сыграло, когда на ее пути встретился «милый Костик» – долговязый хмурый блондин с серыми глазами. Оля, наша городская девочка, влюбившись в этого типа, вознамерилась уехать с ним на историческую родину «принца» – в Лопатниково. Переубеждать ее было делом тщетным, хотя я и пыталась. Они уехали, произвели на свет дочь Варвару, после чего «милый Костик» не выдержал тягот жизни на родине и свалил в дальние и теплые страны, внезапно вспомнив, что по отцу он относится к «богоизбранному народу», не наполовину, а на какую-то четверть четверти, но это неважно. Главное, что он принял иудаизм и, кажется, даже стал изучать Каббалу. А глупенькая наша Оля осталась в россии. На этой его исторической родине. Более того, она очень полюбила его тетку Екатерину и полюбила Лопатниково. Иногда она заявлялась в Тарасов, и мы с ее маменькой только вздыхали, поскольку наша «романтическая хрупкая принцесса» под действием свежего воздуха и жизненных обстоятельств располнела, стала походить больше на пейзанку и только в душе осталась той пленительной и наивной девочкой с широко распахнутыми глазами. Мне ее часто не хватало, поэтому, когда она позвала меня погостить на недельку, я с радостью согласилась, тем более что в Тарасове меня последнее время все раздражало и я бешено устала от работы. Я чувствовала: если моему организму не дать отдыха, он мне устроит какую-нибудь страшную месть. Да и излишне эмоциональный настрой развенчанного мною чужого богатого мужа с дурными манерами мне совсем не нравился. Он как-то заявился ко мне с двумя неприятными амбалами – хорошо, что, наученная уже моим богатым жизненным опытом, я всегда кладу рядом мою «беретту». Зрелище они пытались организовать устрашающее, во всяком случае, когда в три часа ночи в мою дверь позвонили и я посмотрела в глазок, мне стало как-то неприятно. Я вообще не люблю, когда ночью под моей дверью образуются вот такие личности, уж лучше увидеть парочку привидений или даже вампиров. Об оборотнях я и не говорю – они вообще славные. Так вот, сжав мой маленький револьвер, я приоткрыла дверь и, радостно улыбаясь, посмотрела в эти «лики смерти». Лики они пытались отобразить страшные, исполненные трагического для меня смысла. Однако моя невинная улыбка произвела на них впечатление разо-

рвавшейся бомбы – они были слегка растеряны, смотрели на меня удивленно и что-то пробубнили про то, что я разрушила их счастье. А так как пробубнили они втроем, я поняла так, что счастье хозяина было их счастьем. Или они тоже делили его с хозяином. В общем, я попросила их убраться с моей территории, поскольку я не люблю, когда ночью ко мне приходят не по делу. Для убедительности наставила на них свой револьвер. И предупредила, что уже вызвала полицию. Они были вынуждены ретироваться. Но – разгневанный чужой муж постарался сделать мою жизнь нервной и напряженной, постоянно устраивая мне какие-то пакости, а мне это, честно говоря, не нравилось. Это мешало мне работать. Более того – я поняла, что Мельников прав. Мне просто нужен тупой и банальный отдых. Потому что, если я буду подскакивать по ночам от шорохов и при входе в подъезд нервно оглядываться, мне придется с моей частной детективной практикой завязать. К тому же внезапное письмо от Ольги, с предложением приехать и описанием своих безрадостных будней и того, что она по мне сильно скучает, показалось мне «письмом судьбы». Я нуждалась в отдыхе. раз. Я соскучилась по Ольге. Два. И, самое главное, в этом Ольгином Лопатникове ни разу ничего не случилось. Я ни разу не видела, чтобы этот поселок засветился хоть раз в криминальной сводке. Нет. Это был очень спокойный поселок. Я бы сказала, это был самый спокойный поселок в Тарасовской губернии. Поэтому я собралась очень быстро, и уже на следующий день после получения Ольгиного письма моя машинка мчалась в направлении Лопатникова.

Дорога не заняла у меня много времени. Особенно когда надо было съехать с трассы и поехать по серпантину. Честное слово, там я окончательно успокоилась. Воздух, сосны вокруг, тишина, одиночество – и какой-то покой, разлитый в воздухе, за пять минут сделали свое дело. Я пришла в себя. Настолько, что подумала – не вернуться ли мне домой. Может быть, ну его, это Лопатниково? И зачем мне отдыхать долго, если я уже набралась сил. Однако – я вспомнила про Ольгу и про то, что она меня ждет. И – поехала дальше. Вечером я уже пила парное молоко, смотрела на звезды, слушала милую Ольгину трескотню и выдерживала Варькины взгляды, полные глубокого интереса – как потом выяснилось, я была ее кумиром, честно деля это место с доктором росси из «Мыслить как преступник». Уж не ведаю, что ей наплела про меня моя бедная подруга, но, судя по всему, рассказала она дочери о моих подвигах так много, что Варька целый вечер смотрела на меня, как Дафнис на Хлою, с невыносимым обожанием и восторгом, пытаясь прикрыть эти светлые, но немного навязчивые чувства подростковым нигилизмом и дерзостью.

Так что я действительно расслабилась, мне было хорошо и уютно, и я даже была благодарна этому невыносимому типу, из-за которого я уехала сюда, что так случилось. Не зря же говорят: иногда нам кажется, что то, что происходит с нами, плохо, а на самом деле – это просто нам показывают, что пора выбрать лучшее.

Так я подумала, когда засыпала, впервые за долгое время позволяя себе заснуть не ради того, чтобы привести в порядок свой утомленный организм, а засыпая ради удовольствия. И тот голос внутри меня, который сказал: «Ты же себя знаешь, Таня, свинья всегда лужу найдет, а Таня себе на попу приключений нароет, и там, где ты появляешься, обязательно что-нибудь случается». Этот противный голос я быстро выключила. Потому что это были остаточные явления. Следствие моего переутомления, не больше.

Так и заснула, впервые за долгое время, улыбаясь…

Пока не наступило утро. И я не услышала голос Таи, голос басовитой Саньки, и мне было так хорошо, что даже своему сну про белые цветы и Аленушку в дорогом прикиде я никакого значения не придала.

Я оделась, привела себя в порядок и спустилась вниз, на первый этаж. В кухне пахло свежими блинчиками, за столом сидела Варька, уныло поедая геркулесовую кашу. Ольга, уже управившись с садовыми работами, пекла блинчики. Восхитительные. Тонкие. Янтарные.

С тем сказочным запахом, от которого слюнки текут, а в душе начинают играть радостные напевы. И от вида Ольги с раскрасневшимся лицом, от ее улыбки становится легко и светло и чувствуешь себя ребенком. Ольга так сильно изменилась, окончательно превратившись в Женщину – именно с большой буквы, – настоящую, от которой веет теплом и уютом, что я даже не могла уже совместить тот, далекий уже образ моей подруги в молодости – и сейчас. Я подумала даже – она за утро уже переделала столько дел, пока я дрыхла. Я бы так не смогла…

Иногда меня удивляет эта способность некоторых женщин делать все время фигову тучу дел и при этом выглядеть довольными и счастливыми. Я обычно устаю даже от процесса стирки в стиральной машинке. Просто оттого, что она работает, а я это вижу. А Ольга мельтешит сначала в своем розовом садике, потом бежит в кухню, а машинка у нее все это время работает, и при этом Ольга удивляется, когда я ей говорю, что нельзя делать два дела одновременно. Типа – делает-то ведь не она, а машинка! Вот и теперь: она пекла блинчики, очень тоненькие, почти просвечивающие, и выглядела довольной, счастливой и ничуть не уставшей. Заметив меня, она улыбнулась и сказала:

– Ой, Тань, мы тебя разбудили? Прости…

Варька, отвлекшись от телевизора и каши, хмыкнула:

– Прям мы… Ее тетя Тайка разбудила. Она так громко орет всегда, как будто боится, что у нас со слухом плохо…

– Варя! – с укором пробормотала Ольга. – Ну зачем ты так о людях? Тетя Тая… заметь, пожалуйста, что ее зовут Тая, а не Тайка… хороший человек, просто она привыкла так разговаривать…

– И с чего бы это? – пожала плечами Варька. – Вроде всю жизнь она дояркой была, не полковником, странно… На коров, что ли, привыкла так орать?

Она щелкнула пультом, и тут же лицо ее преобразилось, став серьезным.

– Тише, – потребовала она. – Тут мой сериал начинается…

Я села рядом с ней, попытавшись вникнуть, какие сериалы теперь смотрят подростки. На экране появилось озабоченное испанское лицо и надпись: «Мыслить как преступник».

Меня это заинтриговало. Посмотрела я на Варькино лицо и подумала – интересно, неужели и в наших селах дети увлекаются профайлингом? Или ее интересует процесс совершения преступления? Может быть, она готовится стать Бонни и ждет своего Клайда? Но Варька вроде производит впечатление нормального ребенка, нет склонности к агрессии у нее, животных любит, единственное – обществу своих ровесников предпочитает одиночество, компьютер и вот эти сериалы.

– Не поверишь, Тань, сама не рада, что к кабельному подключилась… – вздохнула Оля, ставя передо мной тарелку с кашей и кружку с молоком.

– Ага, – презрительно протянула Варька, не отрывая взгляд от экрана. – А то б сидела и смотрела свою «Культуру» заунывную целыми днями… Или по НТВ – вечный сериал про одного и того же мента…

– Вот ведь, все бы тебе критиковать меня, – без всякой злобы ответила Ольга. – Да у меня времени нет ни на мента этого твоего, ни на культуру. Это ты без конца про какие-то страсти смотришь, как будто прям девочке твоего возраста и подумать больше не про чего, только про то, как правильно делать анализ ДНК…

– Это-то и плохо, что у тебя нет времени даже на культуру, – парировала Варька. – Ты так можешь совсем прийти в нравственный и интеллектуальный упадок. Что ты и делаешь прямо на моих глазах с сумасшедшей скоростью.

– Угу, зато ты повысишь свой интеллект на своих «убийствах», – отозвалась Ольга.

– Да уже повысила в отличие от тебя-то, – огрызнулась девица. – Это ты последние крупицы ясного ума в разговорах с тетей Тайкой теряешь.

– Таей, – машинально поправила Ольга.

– Тайкой-гайкой, тарантайкой, – пропела не унимающаяся Варька.

– Варя! Как же тебе не стыдно, про взрослую женщину! – возмутилась Ольга.

– Если взрослая женщина ведет себя глупо, это не повод для уважения, – парировала Варька.

– А ты себя умно ведешь…

– Мне можно. И – я не претендую на уважение по возрастному признаку.

– Господи, – вздохнула Ольга. – Надо было вот в муках тебя рожать, чтобы потом ты меня воспитывала и учила, как к соседям относиться.

– А для чего же еще? – засмеялась Варька. – Я думала, ты именно для этого меня произвела на свет…

Глядя на них и слушая их, я поймала себя на ощущении, что мне тоже очень хочется дочку. Вот такую – смышленую и чуть нагловатую, как Варька. В отличие от Сани с козами Варька казалась мне именно такой девочкой, которую я охотно бы удочерила, не заботясь о последствиях. И не из-за того, что ей я доверила бы пресловутый стакан воды. Просто потому, что с такой девочкой рядом мне было бы хорошо. И даже ругаться с ней было бы весело, и разговаривать интересно. Варька, словно поймав мои мысли, посмотрела на меня своими зелеными глазищами и улыбнулась.

В это время на экране Дэвид росси рассказывал про особенности профайлинга, а я пила молоко. «Мы видим, что, унижая жертву, убийца пытался тем самым повысить собственный уровень самооценки», – сообщил росси, и на экране появились фотографии убиенных, надо сказать, очень реальные и страшные. Варькин взгляд стал более пристальным, а Оля вскрикнула:

– Варя, это ж кошмар какой… Тебе рано такое смотреть!

– А в жизни этого разве не бывает? – осведомилась Варька. – Типа я буду по твоим планам жить в каком-то волшебном мире, где вокруг – светлые и радостные люди, творящие исключительно добро?

– Мало ли там чего бывает, – проворчала Ольга. – Там, вон, гей-парады устраивают, в жизни этой, и что? Зачем всякие гадости смотреть?

– Мама! – строго прикрикнула на нее Варька. – Это никакой не гей-парад! И в моей жизни никаких парадов не будет. А это… Это очень хороший сериал. Он интересный.

Ольга беспомощно посмотрела на меня, ища поддержки.

– Хороший, – подтвердила я, обманув ее ожидания, но тут же пошла на попятный. – Но не для девочек твоего возраста. Тебе это смотреть не стоит…

– Почему? – завопила Варька. – Вот почему, а? Там что, голых показывают?

– Ой, лучше бы ты мелодрамы смотрела, – вздохнула Ольга.

– В мелодрамах ваших как раз голых и показывают, – проворчала Варька. – А тут – нет. Тут все очень пристойно и нравственно. Голые у них только трупы, и то стыдливо прикрытые простыночками.

– Варь, – я прекрасно знала, что вразумить ребенка невозможно, сама была такой же, – ты понимаешь, что подобное, к счастью, случается редко? Зачем тебе это? Зачем смотреть на такие вещи, на жестокость? Ты собираешься стать следователем? Или профайлером?

– Судмедэкспертом, – проворчала Варька. – И не мешайте мне смотреть… Если вы такие нервные, то идите, вон, под вишней позавтракайте… А я буду этот сериал смотреть. Мне нужно!

Спорить с ней было бесполезно. Она гордо отвернулась от нас, всем своим видом показывая, что мы две курицы, мешающие ей образовываться и готовиться к своей многотрудной будущей жизни. Мы переглянулись. Ольга вздохнула. Я развела руками. Варька напрягла спину – я поняла, что она угадывает наши движения или подсматривает и что я в ее глазах теперь просто жалкая предательница.

– Вот что с ней поделать, – пробормотала Ольга. – Она помешалась, Тань, на этой всей криминалистике, судмедэкспертизе и профайлинге…

– Пройдет, – сказала я. – У меня было то же самое в ее возрасте. Я брала у папы книги и читала их, несмотря на его запреты.

– И что? – спросила Ольга. – Ты и пошла потом по этим стопам… Не на филфак же ты двинула изучать Эразма роттердамского.

– Нет, – засмеялась я. – Там уже ты была. Но я-то пошла вообще-то не на судмеда учиться. А на следователя.

– А что, хрен редьки слаще, что ли? – хмыкнула Ольга. – Все одно – поближе к преступному миру.

– Оль, но что же поделаешь, я тогда была романтичной. Мечтала побороть преступность в одну харю, но – я ж потом в частные детективы ушла, сама же знаешь, что там только мужья обманутые! Так что это проходит!

Продолжать спор я не стала. Потому что я же и пошла по этой дорожке в свое время, она абсолютно права. Это как отрава. Как говаривал мой папочка – хорошо, что пошла по нужной стороне, могла бы и по другой пойти… По противоположной. Тем паче – уж чего-чего, а духа авантюризма мне было не занимать. И если бы я не стала сыщицей, то кто меня знает… Мне вот больше, чем «Мыслить как преступник», сериал «Виртуозы» нравится. Ах, какие они там аферы проворачивают! Блеск! Посмотришь – и думаешь, а не провернуть ли тоже что-нибудь этакое? Так что Ольгу мне успокоить было нечем. Судя по всему, Варька точно рванет учиться в Тарасов, и именно в судмеды… Потому что – не фига убивать людей! Жажда справедливости – это как отравление. Отравился – и все.

Не проходит такое. По себе знаю… Поэтому Ольге я могла только посочувствовать. Ей предстоит нелегкая судьба. Дочь будет вечно на работе. разговоры она будет вести очень специфичные. И ночные звонки станут постоянной реальностью их жизни. И дай бог, чтобы не было ранений. риска. Потому что от этого – уж точно страховки нет.

– Оль, ну, может быть, она захочет наукой заняться. Чистой. Знаешь, например, она станет криминалистом-биологом. Они ж на происшествия редко выезжают. В основном чисто лабораторная работа…

– Да ты что, не видишь? Она – будет в лаборатории сидеть? Моя дочь? – Ольга рассмеялась.

– А что такого-то?

– Ничего, Тань! Я не удивлюсь, если она в какой-нибудь ОМОН пойдет. Или – еще куда.

– Не пойду, мне это неинтересно, – успокоила мать Варька.

– Да, конечно, зато будешь маньяков ловить, куда интереснее…

Ольга с расстройства плюхнула последний изготовленный блин так, словно это были и Варька, и неведомый маньяк.

– Черт знает что, а не ребенок растет, – проворчала она.

– Оль, хороший же ребенок, – возразила я. – Умненький. О всяких глупостях не думает. По улицам в поисках приключений не шастает. Ну чего ты?

– Да понимаю, Тань, – махнула рукой Ольга. – Просто боюсь я за нее… Очень боюсь. Не дай бог, что с ней случится, не переживу я… А профессия у вас – сама знаешь. Опасная.

Варька на нас уже внимания не обращала. Она достала какую-то тетрадку и начала записывать туда что-то. Мы ее совершенно не интересовали.

– Тань, я все думаю – может, она в писательницы пойдет? Или сценаристкой станет? Лишь бы не этим… судмедэкспертом!

– Может быть, – кивнула я. – Но писать-то она будет одни детективы и триллеры.

– Все равно, лучше пусть пишет, чем с этими трупами убитыми целыми сутками торчать…

Я хотела ее поправить, что не «убитыми трупами», а «трупами убитых», но моя подружка уже собрала все на поднос, поставила перед Варькой кружку с молоком и тарелку с блинам и, указав мне подбородком на терраску, пошла к двери. Я пошла за ней. Вслед мне доктор росси сказал:

– Убитая девушка была явно знакома со своим мучителем и доверяла ему настолько, что отправилась с ним в заброшенное место, к берегу реки, где никого не бывает.

Почему-то мне вспомнился мой сон. Берег реки. Птицы. Я – в дурацком платье и дорогих туфлях на шпильках высотою в полметра. И эти отвратительные белые цветы вокруг… Сама не знаю почему, но мне вдруг стало жутко, я остановилась и поежилась.

Откуда-то донесся тихий женский смех. И – так отчетливо – в далеком лесу кукушка отсчитывала год за годом, и я откуда-то знала, что она все врет, а на самом деле – мне не осталось уже даже и часа.

«Фу, Таня, – встряхнулась я, – ты сейчас вообще додумаешься непонятно до чего».

И додумаюсь. Я это знала.

Поэтому я поспешила за Ольгой. И, словно в насмешку, услышала за спиной голос доктора росси:

– Не надо бояться правды. Надо анализировать происходящее и, найдя причины происходящего, вычислить преступника.

«Похоже, росси скоро сможет заменить мне гадальные кости», – подумала я, решительно закрывая за собой дверь. Пусть уж он будет оракулом для Варьки. А мне и моих косточек хватит…

Я сама не могла понять, почему на меня эти слова так подействовали. Ведь ничего не предвещало беды. Вокруг было так тихо. Так спокойно. И – да откуда же прийти сюда, в этот тихий поселок, черт побери, этой самой беде?

«А разве ты не знаешь, Таня, что там, где появляешься ты, что-нибудь случается?» – Мой внутренний голос снова заговорил – и звучал-то на сей раз грустно, без привычного ехидства.

«Необязательно, – огрызнулась я. – Вот сейчас как раз такой случай, когда ничто не нарушит этого пасторального покоя. Даже я».

– Самое же странное здесь, – сказал вслед мне доктор росси, – что это убийство произошло в самом тихом, самом спокойном городке. Где люди даже не закрывали до этой ночи свои двери. Им просто нечего было бояться. До этого дня…

«Ты не мой оракул, – сказала я доктору росси, тем не менее с трудом отделываясь от чувства тревоги и беспокойства, охватившего меня. – А значит, я совсем не обязана к тебе прислушиваться».

И вышла в сад, решительно закрыв за собой дверь.

В Ольгином саду пахло розами и яблоками. Яблок в этом году было несметное количество – Ольга не успевала их убирать, она постоянно подбирала новые яблоки, резала их, сушила, варила варенье, а они все падали, и иногда казалось, что каждое утро Бог подвешивает на дерево новую порцию яблок. Мы сидели в самом тенистом уголке сада, потягивали кофе, и я слушала рассказы Ольги про ее приехавшую племянницу Асю – слушала, каюсь, вполуха. Я отдыхала, наслаждаясь и свежим ласковым ветерком, и утренним мягким солнцем, и этими волшебными запахами роз и яблок… Боже, как я все это люблю… Думать мне не хотелось совершенно. Я наконец освободилась от чувства тревоги, от беспокойства и теперь, после того как совершенно успокоилась, вспомнила слова моей подружки-психологини Полины: «Тань, понимаешь, пережитые события иногда остаются у нас в памяти в виде ощущений, и бывает, что эти состояния возобновляются внезапно, а так как мозг уже освободился от них и ты не вспомнишь даже, возможно, сразу, с чем это было связано, ты ошибочно принимаешь эти эманации за предчувствия».

Именно так, сказала я себе. Это были совершенно ненужные воспоминания, которые я ошибочно принимаю за предчувствия. На самом деле – все прекрасно. Чистый воздух. Отдых. Покой. Запах яблок. И вкус яблок… И кофе под раскидистой вишней. С рассказами о гениальной племяннице… Кстати, любопытно, почему в основном матери занижают способности собственных чад, при этом восхищаясь талантами племянников и племянниц? Это связано со страхом, что талант собственного ребенка, если о нем заявить, привлечет к дитяте темные силы? Или простое нежелание выглядеть хвальбушкой? Надо будет узнать у Полины, когда я приеду. Хотя с другой стороны – разве мне это действительно интересно? Или я просто чувствую небольшую обиду за Варьку? Которая – вне всякого сомнения – в будущем талантище? Пусть она и не актриса… Или актрисой быть для женщины нормально, а хорошим профайлером – нет? И сыщицей, наверное, тоже?

– Она очень талантливая девочка, и очень красивая, – говорила Ольга. – Ты наверняка ее видела – она уже играет в спектаклях, представляешь? Первый курс – а ее взяли на роль Офелии…

Я не очень-то сведуща в репертуаре наших театров, поэтому как-то пропустила это мимо ушей, хотя я точно знаю, что ни в одном из тарасовских театров «Гамлета» нет, ну – может быть, собираются поставить? Я же не театралка. Кроме того, я прекрасно знала, что поступить на театральный факультет очень проблематично, если ты, конечно, не мальчик. Мальчиков берут не глядя. А вот девочек, мечтающих ходить по сцене в красивых платьях, раз в тысячу больше. Поэтому я очень была восхищена Аськой, которая так запросто, с первого раза, без всякого блата и подношений поступила в этот самый театральный. Насколько я помню, моя подруга Ленка потратила на эти самые поступления восемь лет своей жизни. А уж сколько она потратила нервов, я даже представить боюсь. Правда, за восемь этих лет Ленка освоила еще пять профессий – и вполне могла теперь в случае чего работать секретарем, учителем младших классов, уборщицей и даже оператором машинного доения. Кажется, она мне еще гордо показывала удостоверение сельского механизатора. Причина такого была в том, что она когда-то, как и Ася, приехала из области, и чтобы как-то не возвращаться в родное селение, она каждый год поступала куда-нибудь учиться. Естественно, ее заодно обеспечивали общежитием. Что решало ее жилищную проблему. Так, в конце концов, она и дождалась наконец того самого года, когда ее мечта исполнилась. А Ася – вот так. Не просто поступила, но и сразу получила роль Офелии… Однако и в самом деле есть чем гордиться тете!

– И как она? Справляется? – из вежливости спросила я.

– Сама увидишь, – сообщила Ольга. – Мы Аську уговорили, она в нашем клубе моноспектакль покажет… С отрывками.

– Это хорошо, – меланхолично отозвалась я.

На самом деле я ничего хорошего в этом не видела. По крайней мере, для себя. Потому что я быстро поняла, что мне тоже этого спектакля не избежать. Значит, вечер отдыха и покоя мне не светит. Я начала даже придумывать возможные отговорки, чтобы не ходить, но тут же устыдилась, встретив радостный Ольгин взгляд. Ну, конечно, подумала я. Подумаешь, потеряет она один вечер. Ничего с тобой не случится. У людей радость. И ты портить эту радость им не будешь.

– Конечно, Тань, очень хорошо! И нам хорошо, и ей. И тебе тоже – не все ж тут от скуки со мной помирать…

– Ты что? – посмотрела я на нее. – Я не умираю с тобой от скуки. Мне тут хорошо… Знаешь ли, моя жизнь, я бы сказала, слишком уж… интересная и активная, можно недельку и поскучать с удовольствием.

На Ольгином лице появилась недоверчивая радость, она улыбнулась – по-детски – и проговорила:

– Ох, Тань, спасибо… Я думала, ты ко мне приехала из жалости.

Я удивилась. Какие, право, бредни порою приходят в голову моей несчастной подружке. Неужели ее родители и бывший муж Костик умудрились внушить бедняжке, что она теперь совершенно никому не интересна? Но я-то так не считала! Ольга была по-прежнему умницей, в доме у нее стояли стеллажи с книгами, которых, кстати, я не заметила у ее благоверного, когда зачем-то заезжала к нему, посещая Святую землю по своим меркантильным делам. Ах, да… Я вспомнила. Я как раз отвозила ему посылочку от Ольги. Свежие яйца деревенские, свежее молоко, козье, потому что Костик жаловался на непрекращавшийся кашель. Он все принял, как, простите, султан какой-то недоделанный – подношения и дары. Помню, как он нос свой крючковатый воткнул в бутылку с молоком – не прокисло ли? рожа у него была брезгливая при этом и гадкая какая-то. И как его новая толстая супруга, выплывшая из дверей, начала хозяйской рукой яйца перекладывать в специальную коробку – так тщательно она при этом каждое яйцо осматривала, как будто искала трещинку, и я не сомневалась, что, если бы нашла, выкинула бы все и по Ольгиному поводу что-нибудь нехорошее сказала бы. И я вспомнила, как уезжала оттуда. Зашла к нему в надежде, что он передаст что-нибудь для Варьки. Своей, между прочим, дочери! Нет. Хорошо, что, услышав о том, что этот жадина пожалел сделать подарок дочке, моя тамошняя подруга Лилька насовала мне для Варьки кучу всяких очаровательных вещиц. И даже нашла подарочек и для Ольги. Ну и я докупила им всего до кучи. И я никогда не забуду, как эти дурочки щебетали – это нам папа прислал! То есть щебетала Ольга. Я даже не стала возражать. Подумала – зачем Ольге радость портить? Пусть думает, что это ее Костик разнесчастный купил. Куркуль недоделанный. Варька все поняла – умный ребенок. Сказала мне тихое «спасибо». А когда мы остались одни, Варька тихо попросила: «Тань, только давай не будем маме правду говорить. Пусть думает, что это папа прислал». Так вот – когда этот тип приехал домой на неделю, Ольга принялась рассыпаться в благодарностях за подарки, и он даже не подумал признаться, что в первый раз об этом слышит. Нет! Снисходительно, аки барон, он принял благодарность от своей «вассалки». И даже сказал, что «ему для Ольги и доченьки» ничего не жалко. И когда я сталкиваюсь вот с таким Ольгиным взглядом и ее убежденностью в своем «несовершенстве», я готова рычать и кусаться. Потому что это не так. Это Костенька ее несовершенство ходячее. Вместе с новой женой. Но никак уж не Ольга. И не Варька. Но я сдержалась.

– Какие глупости, – проворчала я. – Ты просто не представляешь, дорогая, как сейчас живется в нашем Тарасове! Пробки на дорогах. Летом – жара. Невыносимая! Зимой – гололед и полное отсутствие каких бы то ни было коммунальщиков. К твоему сведению, из нашего славного города народ бежит. В маленькие города или в большие, только бы подальше от родного города…

– Да ты что! – всплеснула руками моя подружка. – Я там уже так давно не была… Я вот помню, какой раньше город был уютный. Симпатичный такой… Шпили эти готические, домики такие – красивые… И наша маслобойня… Ой, Тань, ты ее помнишь? Самое красивое здание там было. И запах этот… жареных семечек и жмыха…

– Нет ее уже.

– Как?

Ольга вытаращила на меня глаза.

– Как – нет, Тань? Она ж первая в россии была… Это ж вроде памятник был! Исторический?

– Был, – вздохнула я. – Теперь там другой… памятник. Какой-то молл. То ли хэппи, то ли сити, то ли хреновый молл без маяка. В общем, очередная собачья будка, помогающая какому-нибудь бизнесмену опустошать наши с тобой карманы. А бизнесменам, как ты знаешь, чувство исторического и прекрасного по большей части чуждо.

Ольга загрустила.

– Ох, Тань… Неужели ничего от нашего Тарасова не осталось? А я его так помню и так люблю…

– Правильно, – хмыкнула я. – Поэтому и рвешься туда…

– Да я еще и скучаю, Тань, – вздохнув, призналась Ольга. – Так по всем скучаю… По тебе. Больше всех по тебе.

Я чуть не заплакала. Она это так искренне и так тоскливо сказала… Обнять ее захотелось. И так стало стыдно, что я искала предлог не ходить с ней на этот спектакль. Какая я свинья все-таки – для нее-то этот спектакль огромное событие. Ее любимая Аська. Которую она почти на руках вырастила своих… И гордится ею. Поэтому я сказала:

– И я по тебе скучаю очень. Ты даже представить не можешь, Оль, как.

Ольга обняла меня благодарно, но я прекрасно видела, что она мне не верит. Но я на самом деле по ним скучаю. По моему убеждению, в мире должны быть такие люди, как Ольга. Но – увы – почему-то как раз таких очень мало. В основном Костики попадаются…

Мы немного помолчали, думая каждая о своем. Первой нашу паузу нарушила Ольга:

– Тань, а давай к Кате сходим… Она приглашала. Так хочется на Аську посмотреть… Какая она стала. Актриса… Надо же… Была такая нескладуха, тощенькая, ножки-ручки – как палочки… Ты ее помнишь, Тань?

Я кивнула. Асю я помнила.

– Я ее помню. Она забавная была девица, похожа на Пеппи Длинныйчулок, только тихая и задумчивая. Как если бы Пеппи вдруг воспитывала мама, а не папа.

Оля засмеялась.

– А потом она вдруг стала красавицей, – продолжала она. – В один день, никто даже не понял, как она такой стала… Прямо как у Андерсена. Ну Витька с ума и сошел. Влюбился, Тань, так, что до сих пор, вон, Тайка страдает…

Она на минуту задумалась, лицо ее стало грустным, как будто она вспомнила о своем Костике или даже, может быть, о Славике. Потом она встряхнула головой, словно прогоняя дурные мысли и воспоминания, и спросила, глядя мне в глаза и улыбаясь:

– А ты Славика-то не встречала там в Тарасове, Тань?

– Нет, – покачала я головой. – Да и желания не было…

– А интересно ведь, Тань. Каким он стал-то…

Она так мечтательно смотрела вдаль, точно там этого Славика видела своего ненаглядного. И глаза у нее даже светлее стали.

– Думаю, что толстый. И лысый, – мрачно заметила я. – Знаешь, мужики как-то быстрее теряют свою красоту.

– Ну, так у них жизнь такая… Более спокойная, что ли. Вот они и расслабляются. – Она засмеялась. – Не знаю, к чему я вспомнила про Славика.

– Да просто так, – сказала я. – Я его тоже недавно вспоминала. Помнишь, как мы с тобой познакомились?

– И правда, хоть какой толк был от этого козла! – засмеялась заразительно Ольга. И я засмеялась вместе с ней.

Мы долго смеялись, затихали и вновь начинали хохотать. Как будто нам смешинки в рот попали. Обеим. Причем когда я представила эту смешинку, такого ма-а-аленького Славика, я снова расхохоталась. И Ольга вместе со мной.

Наконец мы успокоились.

– Ну так что, Танюш, сходим к тете Кате? – спросила Ольга, вытирая выступившие от смеха слезы на глазах.

Мне делать было нечего, а тетку бывшего Ольгиного мужа я помнила с прошлых наездов – она всегда была хлебосольной, приветливой и пекла замечательные пироги. С капустой и с рыбой, вспомнила я, и даже облизнулась.

– Пошли, – решительно поднялась я. – Мне тоже любопытно на Аську посмотреть… Да и по тете Кате я соскучилась.

Сказать, что в большей степени я скучаю по тети-Катиной снеди, я не решилась, но Ольга и сама догадалась.

– Вот увидишь, – заговорщически подмигнула мне она, – пирогов она точно напекла… Твоих любимых. Аська тоже эти пироги обожает…

Она быстро собралась, я даже не успела сообразить, что мы уже идем в гости. И буквально через несколько минут мы выходили из дома и тащили с собой Варьку, ворчавшую, что лучше бы мы ее оставили дома, в одиночестве досматривать ее любимые «убийства».

Мы двинулись по «набережной», как гордо называют это нелепое сооружение аборигены, вдоль узкой реки. На другом берегу высились прекрасные хоромы, особняки и трехэтажные коттеджи. Там, на левом берегу, жили «новые лопатниковцы». Те, кто, разжившись деньгами, решил, что пора уже и обустроить для себя приличный дворец, причем желательно в живописных местах, вдалеке от города. Заборы там были высокие, плотные, над ними возвышались огромные домины с решетками на окнах, и, надо сказать, богатая часть Лопатникова казалась нежилой. Насколько я знаю, местные подростки именовали эту часть поселка «фешенебельным кладбищем». Я подумала, что и в самом деле – очень точное выражение, эти дома напоминали мне отчего-то огромные склепы, могилы – впрочем, у них и могилы делались по этому же типу. Огромные, аляповатые, несуразные и страшные. Видимо, эта склонность к большим масштабам оставалась им присуща не только в смысле денежных накоплений.

Впрочем, мы шли не по левой части реки, а по правой.

Наш путь лежал среди обычных домишек, часть из которых изрядно покосились, а чем ближе мы подходили к тети-Катиному дому, тем чаще нам попадались заброшенные, заросшие травой дома. Вернее было бы назвать их руинами. Такие дома обычно навевают тоску, становится немного жутковато на душе. Кажется, что домик взывает о помощи, и это как раз такой умирающий, которому никто не подаст стакан воды. Потому что некому. Еще такие дома напоминают мне брошенных собак, которые терпеливо ждут возвращения своих хозяев.

– Помнишь, тут раньше бабушка Лиза жила, – сказала Ольга, когда мы проходили мимо такого «остова». – История такая случилась, Тань… Сын-то ее спился. Ну и как баба Лиза померла, хоронить ее отказался. А у бабы Лизы и нет больше никого… Так ее знаешь, кто схоронил-то?

Я не помнила бабу Лизу, ни ее беспутного сына, но подозревала, что хоронила ее добросердечная Ольга.

О чем ей и сказала. Ольга рассмеялась, взмахнула руками:

– Да что ты, я б и схоронила, но… Представь себе, без меня обошлось. С того берега мужик один ее похоронил. Сергей Иваныч. Не знаю, с чего на него нашло желание благотворительности, но только благодаря этому Сергею Иванычу баба Лиза у нас на столе целый месяц не пролежала…

– А сын ее где?

Оля пожала плечами.

– Да никто не знает, – сказала она. – Пропал начисто… Следа не осталось… Говорят, Бог его покарал – напился да и замерз где-то…

Оля всю эту мрачную историю поведала мне жизнеутверждающим и даже веселым тоном, и я вновь подумала: как меняет людей жизнь. После нескольких лет жизни в деревне моя старшая утонченная подруга стала совсем селянкой, даже по манерам…

Мимо нас промчался «рено», неожиданный среди здешнего мистического пейзажа, и я непроизвольно посмотрела ему вслед. Еще больше меня удивило то, что Ольга помахала водителю и приветливо улыбнулась. Словно заметив мое удивление, она объяснила:

– Легок на помине… Сергей Иваныч приехал. Странно, что он по этой дороге ехал – вроде не из Тарасова… Может, в Лохутино заезжал? Или – в Становое… Говорят, у него там ферма вроде, со страусами.

Поразмышлять о благородном владельце «рено» и его страусах я не успела, так как мы уже приблизились к дому тети Кати. Калитка была распахнута настежь, и мы вошли в уютный сад, где пахло вишнями и яблоками и возле будки приветливо махал хвостом старый пес Шарик. На крыльце же сидела дева небесной красоты, похожая на фею или сказочную принцессу, и связывала в «косы» поспевший лук. Заметив нас, дева подняла глаза, и я убедилась, что она какая-то неземная – огромные голубые глаза на тонком личике сияли, как у ангела, и сама она была – чистый ангел, маленькая фея. Я даже застыла, пытаясь примерить этот новый фантастический образ к той нескладной Пеппи. Словно угадав мои мысли, Ася улыбнулась, потупилась, щеки ее зарделись, она смахнула рукой прядь светлых волос и радостно улыбнулась, поборов смущение.

– Тетя Оля, – проговорила она и крикнула в дом: – Мама! Тетя Оля пришла!

Катя была, говорят, когда-то красавицей. Она и теперь, несмотря на лишний вес, выглядела на все сто, но ее красота была земной, яркой, а Ася походила на королеву эльфов, и непонятно было, как этот ангел появился у простушки Кати и ее – надо сразу заметить – не самого прекрасного внешне дяди Володи, поскольку дядю Володю я тоже помнила: он был грузным, большеносым, с небольшими глазами и отчего-то всегда ходил, выпятив вперед внушительный живот. Похож он был скорее уж на Гимли, чем на «агента Смита» в роли короля эльфов. Потом у них появилась Аська, которую оба родителя страстно любили и носились с ней как с принцессой. Может быть, в этом и была причина, что Аська и в самом деле теперь стала похожа на принцессу из сказки? Катя, судя по ее беззаветной любви к Аське, почитала свою дочь за дар свыше и относилась к ней соответственно, с вечным восхищением и поклонением, какое подобает принцессе. Она никогда и не скрывала, что дочка для нее – все. Все, чем она дышит, ради чего она живет и дышит. Она всегда боялась ее потерять, в детстве она просто начинала впадать в панику, когда Аська с подружками задерживались, и бегала искать ее, из-за чего над ней посмеивались. Она была уверена, что ее красавице Аське уготовано какое-то чудесное будущее, никаким образом не связанное с Лопатниковом. Поэтому она была совсем не против Аськиного отъезда в Тарасов. Да, для самой тети Кати отъезд Аськи был трагедией. Она ходила вся потухшая, не знала, чем занять себя, чтобы не думать постоянно об Аське, и – когда она наконец получила известие, что Аська поступила, она даже расплакалась. Потому что до последнего надеялась, что ее дочь вернется домой. Потом она стала потихоньку привыкать, но постоянно рвалась в Тарасов и ждала, ждала писем от своей принцессы Аськи. Хотя, когда Аська приезжала, Катя скрывала свою безудержную любовь под маской ироничной строгости. Даже сейчас, выйдя из кухни, она смотрела на свою прелестную дочь с восхищением, которое пыталась скрыть за строгостью.

– Ох, Оленька… – она обняла Ольгу, потом и меня прижала к своей необъятной груди. – И Танюшку привезла…

Обернувшись, она спросила у Аси, помнит ли та меня.

Ася долго смотрела, прищурившись и слегка улыбаясь, как будто извиняясь, что помнит, но не очень, а смутно. Потом Ася кивнула, хотя по ее взгляду я догадалась, что помнит она меня очень слабо. И вот в этот момент меня пронзила мысль, что я… видела ее. Нет, она меня не помнит! И вряд ли она меня в самом деле видела, уже будучи взрослой. Я почти уверена, что последний раз мы с ней встречались, когда ей было лет тринадцать.

А вот я ее где-то видела уже позже… Совсем недавно. И место это по ощущениям было неприятное. Но я была готова поклясться, что видела именно Асю. Только выглядела она подругому. Нет, она была далека от эльфийского образа… Очень далека. И видела я ее в каком-

то странном месте… Может быть, мы как-то пересеклись в театре, и она там играла какую-то роль – хотя я, если честно, совсем не театралка, бываю в театре редко… Но я уверена, что это была именно она, но какая-то вульгарная, что ли… Я даже попыталась вспомнить все свои посещения театров. Последний раз я была там года три тому назад, отчаянно скучала, даже не помню, что я там смотрела… Что-то современное и поэтому скучное. Из жизни проституток. Теперь про них любят писать, снимать кино и ставить пьесы. Наверное, Аська там и играла – в эпизоде. Или я вообще ее с кем-то спутала?.. Такое тоже бывает. Я помню, однажды я даже поссорилась с Андрюхой, потому что я его видела на проспекте, он шел мимо меня, я его окликнула, а он не отреагировал. И я тогда всерьез обиделась. И Мельникову пришлось даже доказывать, что он не был на проспекте, он даже алиби мне предъявил, задокументированное, – потому что тот парень был похож на него как две капли воды. Так что с Асей вполне могло быть то же самое, очень похожая на нее девица, с которой мне пришлось столкнуться в страшно неприятном месте, и… Я попыталась вспомнить, при каких обстоятельствах, и знаю только, что это было как-то опять связано с Мельниковым, потому что он там тоже был.

Вспомнить мне так и не удалось, потому что я, скорее всего, была в тот момент чем-то занята. А девушка в сферу моего интереса не входила, поэтому я запомнила ее, но не подробно. А вот почему я ее запомнила… Я же обычно стараюсь освобождать голову от ненужной информации.

На столе уже стояли блинчики с мясом и большой восхитительный пирог. «Иванова, когда ты наконец перестанешь быть сыщицей? – напомнила я себе. – Ты на отдыхе. Вот и отдыхай…»

Сказать себе «я на отдыхе» я могла раз сто, но, как любил говорить мой папенька: «Сколько раз ни скажи слово «халва», а во рту будет вкус селедки». Так и у меня – выработанные годами трудов моих инстинкты сыщицы мешают мне спокойно жить и наслаждаться редкими моментами отдыха. Я начинаю подмечать какие-то мелочи и думать: а все ли в порядке с этим человеком? Нет, то, что каждый человек скрывает какую-то тайну от других, пусть это тайна маленькая и больше похожа на обычный секрет, – это правда. Но, в конце концов, какое мне, сыщице на отдыхе, дело до чьих-то тайн и секретов? А я уже не могла остановиться, мне стало интересно. Я смотрела на Асю и видела, что она чем-то озабочена. И что сегодня вечером с ней произошла некая история, которой Ася не была расположена с нами делиться. Как? Просто… Во-первых, я заметила, что на щечках у Асеньки красные пятна. О чем это говорит? О волнении. Правильно. И еще – что человек быстро куда-то ходил. Очень быстро. Торопился изо всех сил. То есть чтобы быстро куда-то сходить, так же быстро вернуться и – самое главное – оказаться на прежнем месте. Как-то так. Значит, человек старался сделать это незаметно для окружающих. Нет, я не подумала о девушке ничего скверного – я сразу отмела подозрения в том, что эта юная красавица быстренько смоталась кого-то в зарослях пристрелить, – упаси бог… Вряд ли Ася вообще умеет палить из пистолета. разве что из бутафорского или из водяного. Но что у Аси были какие-то тайные дела и, скорее всего, амурные, как-то сразу мне пришло на ум. И эти амурные дела Ася предпочитала скрывать. Словно почувствовав мои мысли, Ася посмотрела прямо на меня, я ответила ей прямым и честным взглядом, но опять же, может быть, это была моя фантазия, на какой-то момент в глазах Аси промелькнуло напряжение, словно она поняла, что я догадалась о ее тайных делах. Потом взгляд ее стал умоляющим, опять же на минуту, словно она просила меня молчать, и затем она стала прежней, рассмеялась звонко и начала щебетать про планы театра и про свое будущее, которое казалось ей светлым и замечательным. Она так увлеклась, что теперь ее щечки порозовели уже от радостных предчувствий, глаза заблестели, и она стала так хороша, что даже у меня перехватило дыхание – потому что в ней было то, чего не хватает многим другим, может быть, и более красивым девицам. В ней была харизма.

Впрочем, девица, к слову сказать, выросла красавицей. Глаза у Аси были голубыми, прозрачными, нежными, с поволокой. Вся – тоненькая, волосы, как у Далилы, – и сразу возникал вопрос: откуда в здешних пенатах, у толстушки Катерины такая фея появилась? Тем более что муж-то тети-Катин, как я говорила, был внешне весьма далек от образа юного эльфа и уж тем паче ничем не напоминал Прекрасного Принца… Иногда природа творит чудеса, и откуда нам знать, с какими целями в местных, прямо скажем, хижинах рождаются настоящие принцессы…

– А ты в каком театре работаешь? – поинтересовалась я, просто чтобы поддержать разговор.

Ася отчего-то смутилась, бегло взглянула на мать, потом на меня и тихо пробормотала название – я с трудом разобрала, что она только устроилась в «русскую комедию». Я этот маленький театрик знала неплохо – там работал главрежем мой старинный приятель, о чем я тут же и поведала вслух.

– О, – воскликнула я. – Так ты у Вадика Пустовалова? Как он, не обижает тебя? Я ему позвонить могу, пусть он тебе побольше ролей дает…

Ася еще сильнее покраснела. Сказала, что Вадик и так ее не обижает, дает ей роли, и даже главные. Тут я вспомнила: Ольга рассказывала о том, что Аська играет Офелию, и слегка удивилась – поскольку, в общем-то, Шекспир вряд ли писал своего «Гамлета» как комедию, да и русским драматургом он не был. А Вадик в репертуар театра ставит исключительно комедии – и исключительно русских авторов. То бишь, если делать ему было бы нечего, он бы с удовольствием поставил Шекспира, но когда он выбивал этот свой театрик, ему местные культурные чиновники поставили вот такое условие: только отечественная словесность! И только комедии. Но мало ли что там теперь, я Вадюху не видела уже почти два года, он мог все изменить, тем более что те чиновники, которые заповедовали ему блюсти традиции именно русской комедии, уже давно ушли «работать» олигархами. Новые же ничего не знали о том условии или вовсе могли думать, что Шекспир – русский драматург, а «Гамлет» – комедия. Судя по их речам, мне кажется, они и в самом деле могли думать именно так. Потому что не то что Шекспира они и газет-то простых никогда не читали.

Слегка задумавшись о чиновниках, я потеряла нить разговора. А разговор, надо заметить, отчего-то перешел сначала на Витьку, а потом компания дам вспомнила пресловутого Сергея Иваныча.

– Представляешь, Кать, – рассказывала Ольга, – с утра уже ко мне Тайка заявилась. С жалобами, что Аська приехала и лишила ее всяческого будущего с внуками.

Я хотела ей напомнить о ее суровом выговоре бедной Варьке за эту самую Тайку, но не стала. В конце концов, взрослым можно то, что не разрешается мелким. Варька к этому тоже отнеслась как-то меланхолично и снисходительно. Она стянула с тарелки самый большой кусок пирога и мечтательно воткнулась в книгу. Книга была синего цвета, я даже не стала просить показать, что дитя читает. Я эту книгу узнала. До этого она лежала у Варьки на столике, рядом с кроватью. И я уже полюбопытствовала, что читает ребенок на ночь. ребенок на ночь читал «Справочник судмедэксперта». Собственно, и сейчас она так увлеченно читала именно эту книгу.

– Здрасте! – всплеснула руками тетя Катя. – Как это?! Что ж, дочурке моей и приехать нельзя мать навестить из-за ее Витьки?

– Да вот так, – закивала Ольга. – Говорит, Витька снова дурить начал, Ленку бросил и вроде под Аськиными окнами шныряет теперь…

– Да я ему шнырну! – пригрозила тетя Катя. – Вон, ружье у меня осталось от Андреича. Заряжу солью да выпущу заряд в седалище. Мне его прошлых выкрутасов хватило…

Аська хоть и смущалась отчаянно, но тихо хихикнула. Варька тоже рассмеялась. И я не удержалась, представив себе тетю Катю с ружьецом наперевес и отчаянно визжащего Витьку.

– И нечего смеяться, – слегка обиженно изрекла тетя Катя. – Что хорошего, что этот хлыщ нам покоя не давал никогда? Асенька из-за него и в город-то уехала…

Я удивилась. По версии Ольги, Ася уехала потому, что мечтала о славе Сары Бернар. При чем же тут Витька? Почему от меня была скрыта какая-то трагическая тайна, если бедной девочке пришлось уехать из отчего дома в наш Тарасов?

– Как? – спросила я. – Ась, ты разве не из-за театра?

Ася приготовилась было ответить, но ее опередила тетя Катя:

– Да что этот театр, это уже она потом, там, в Тарасове, возмечтала, а тут, Тань, у нас был триллер не хуже тех, что Варька по телику смотрит.

Варька усмехнулась и сказала пренебрежительно:

– Да прям, теть Кать, никакого особого триллера не было. Была обычная бытовуха.

И, мечтательно глядя на Аську, добавила:

– Вот если бы он ее украл, спрятал в подвале, там долго и мучительно пытал бы, требуя от нее взаимности, и никто бы даже не знал, где она находится, а он сам при этом делал вид, что не знает, куда Аська делась, бегал бы и искал вместе со всеми, – вот это да. Это был бы нормальный, хороший триллер.

– Да ты малая была еще, тебе-то откуда знать! – вступила в разговор Ольга. – Напридумывала тут опять страстей, прости господи! Тебе бы только расследования свои проводить, ты ради этого и сестру двоюродную не пожалеешь!

– Тетю, – поправила Варька. – Это тебе Аська сестра. А мне она тетя.

– Как это, – начала было возмущаться Ольга, но, подумав, поняла, что Варька права. – И впрямь, Ась, я тебе тетка… Катя-то тетя.

– Оль, какая Варька-то умная, – восхитилась Ася.

– Угу, – засмущалась Ольга. – Ума палата… Да ключ потерян.

Варька скорчила рожицу, Аська засмеялась – звонко, по-детски, и я подумала, что она еще совсем ребенок. Ненамного ушла от Варьки.

Тетя Катя нас не слышала. Тетя Катя уже увлеклась рассказом о пережитом и остановить ее не мог бы и танк, не то что умоляющий взгляд Аськи, которая со вздохом смирилась с тем, что история эта будет рассказана, несмотря на все неуклюжие попытки перевести разговор на другую тему. Это, как мне показалось, заметила не только я. Ася совсем не хотела вспоминать события того года.

– Ты, Ась, покажи Татьяне шрам-то, – сказала тетя Катя.

– Мам, да ну тебя, – попыталась сопротивляться Ася.

– Нет, ты давай покажи… Чтоб никто не думал, что Витенька этот ангел. А то поверишь, Тань, весь поселок тогда был на его стороне. Говорили, что Аська сама его к этому вынудила. Как же, не будешь же всем это уродство-то показывать…

– Мама! – взмолилась Ася. Мне ее даже жалко стало. Но тетя Катя не унималась.

– Покажи, я говорю! – прикрикнула она. – Тут никого посторонних нет. Не на всю страну прелести свои показываешь! Тоже мне, монахиня какая…

Ася, поняв, что сопротивляться бесполезно, приподняла кофту – нехотя, и я увидела шрам на ее груди – до солнечного сплетения – длинный и, судя по следу, глубокий.

– В больницу тогда девку везти пришлось, – сказала тетя Катя. – Думала, не довезу… По дороге отойдет.

– Ася, но это же попытка убийства, – выдохнула я. – Что в полиции вам сказали?

– А мы не обращались, – пробормотала Ася. – Мы… так решили…

– Кто решил? Ты и решила! «Не трогайте Витю, он не виноват, я сама это заслужила!» разве нет?

– Мама, ты же понимаешь, если бы тогда его посадили, ему бы жизнь сломали!

– А ты? Ты вот с таким шрамом ходить всю жизнь теперь должна – это ничего? Я до сих пор локти кусаю, что мы на него заявление не написали.

– Мама, я действительно сама была виновата.

– В чем? В том, что на его страсть взаимностью не ответила?

– Мама! – взмолилась Ася.

– Да что мама? Я уж много лет мама… А знаешь, кто ее пырнул-то?

– Кто?

Я уже поняла, что это был Витька. Но спросила, потому что тетя Катя ждала моего вопроса.

– Витька, – проговорила тетя Катя с той интонацией, с которой обычно сообщают о вампире или оборотне. – Вот такая, Танюша, у него «большая любовь». И можно так выразиться, нечеловеческая страсть к моей дочери. Чуть не порешил ее, гнида такая.

– Мама, я тогда сама была во всем виновата! – крикнула Ася, и я впервые за долгое время увидела ее взволнованной. – Я, я его довела!

Она вскочила и быстро вылетела из-за стола.

– Ну зачем ты так, Кать? – вздохнула Ольга.

Катя, впрочем, тоже расстроилась.

– Танюш, – попросила она меня, – Сходи, успокой девку. Она нас с Ольгой не послушает.

Я поднялась и пошла в комнату, где скрылась Ася.

Я не знала, о чем с ней буду разговаривать и как смогу ее успокоить. Я же, по сути, не знала ничего об этой хрупкой красивой девочке. Шрам ее – да, он вызвал у меня шок, почти мистический ужас. Почему-то вспомнился мне один старенький судмедэксперт, с которым мне однажды довелось работать на убийстве: там был удар в то же самое место, и старичок, задумчиво смотря на рану и говоря заученные, сто раз слышанные фразы про проникающий удар, про форму острия и время смерти, вдруг добавил: «А ведь по поверьям-то, в этом самом месте душа у человека расположена!» И когда я спросила его, по своей наивной глупости, был ли у того парня шанс выжить, старичок посмотрел на меня устало, грустно улыбнулся и сказал: «Когда вот так душу-то задевают, выжить шансов нет. Если бы сейчас он остался жив – все равно погиб бы, да и неизвестно, что лучше… Погибнуть или жить с раненой душой».

И почему-то я сейчас все это вспомнила, и у меня была только одна мысль – у Аськи-то тоже душа ранена! Так, получается? А раз душа ранена, то и Аська не жилец. И ей с раненой душой жить тяжело. Совсем ребенок – а уже с раненой душой. Беда ведь… Словно в ответ на мои мысли где-то далеко несколько раз прокричала-просмеялась ворона. Ветер внезапно налетел и дотронулся до моего лба своим холодным дыханием. Я не склонна переживать такие состояния, но сейчас мне было не по себе. Я встряхнула головой, чтобы прогнать это внезапное мрачное и замогильное настроение. Толкнула дверь и вошла, напялив на лицо глупую и ободряющую улыбку.

Аська стояла у окна и курила. Я видела ее профиль, и снова она показалась мне знакомой – вот с этой сигаретой и с губами, которые стали по-женски округленными и отчего-то пухлыми. Аська с сигаретой выглядела уже не как эльфийская принцесса, а как обычная красотка из гламурной тусовки. Она заметила меня, но не обернулась. Нервно затушила сигарету.

– Я сейчас приду, – сказала она немного хрипло, и я поняла, что она плакала.

– Ася, – начала я, сама не зная, что ей сказать. – Знаешь, как говорил один мой старый друг, – все, что нас не убивает, делает нас сильнее.

– Вас мой шрам так напугал? – спросила она. И вот тут она развернулась ко мне, и я снова удивилась ее способности изменяться. Теперь она стояла, освещенная лучами солнца, отчего волосы ее казались золотыми. В глазах ее была сила и та невероятная страсть, которая способна, кажется, изменять мир и испепелять города.

– В общем-то, да, – призналась я. – А что между вами произошло?

– Ничего, – передернула она плечиком и вновь сменила маску. Теперь она опять была той милой девочкой, которую мы застали на крыльце. Валькирия исчезла, уступив место эльфийке-принцессе. – Просто история детской любви, которая вот так закончилась…

– Ась, но обычно детские любови так не заканчиваются. Это неправильно…

– Кто ж говорит, что правильно, – усмехнулась она. – Только мама многого обо мне не знает. Понимаете? Я с Витькой плохо поступила. Очень плохо. Я ему… душу самую ранила. И то, что он тогда сдержаться не смог, но… Понимаете, Таня, он ведь был готов тогда в тюрьму пойти, но о том, из-за чего все случилось, никому не сказал…

– А из-за чего все случилось, Ась? – спросила я.

Она ничего не сказала. Только усмехнулась – очень грустно и очень по-взрослому. Затушила сигарету, закрыла окно.

– Пошли, – сказала она. – Вы не обижайтесь, Таня, но… Я не уверена, что эта давняя история заслуживает того, чтобы быть рассказанной.

И она первой пошла вниз, туда, где нас ждали Катя и Ольга. А я поняла, что она ничего мне не расскажет. И тут же мне больше всего на свете захотелось узнать о том, что же между ними произошло и почему Ася во всем обвиняет себя, хотя, если честно, я подозревала, что это просто очередная история подростковой страсти с не самым лучшим концом.

Ну что, скажите, могла такого сделать семнадцатилетняя девчонка, что ее мальчик схватился за нож?

Опять же – девочка жила в поселке, не в городе. Что могло произойти? Я даже придумать не могла ничего стоящего: ну, разве что сложилась такая мелодрама в духе «роксоланы», с пламенной страстью к тому же Сергею Иванычу – надо узнать, жил ли он здесь в те времена, – и разоблачением этой страсти несчастным, простодушным и влюбленным Витькой. И все равно – вряд ли уж он стал бы так патетически хвататься за нож. Или стал бы? Кто их, поселковых подростков, знает?

Потом были еще знаменитые тети-Катины блинчики, и пирожки с мясом, и вишневая наливка домашнего изготовления… За большим круглым столом было так уютно, от тети Кати исходил запах детства и тепло, и я даже начала изнутри таять, как мороженое на солнце, забыв и про жуткий шрам, и про свое желание узнать ту давнюю историю. В конце концов, какое мне до них дело? А любопытство – оно не нужно, если дела не касается. Дела же у меня никакого не было, кроме отдыха и покоя. Можно вон рыбу половить пойти, подумать там… Тем более – лето, уйдет лето, будет жаль каждого дня, прожитого без летних удовольствий… Про давние истории и Катя с Ольгой забыли, они уже обсуждали какие-то другие проблемы, смеялись, вспоминали что-то хорошее. Ася сидела, едва прислушиваясь к их разговору, и думала о чем-то своем. Варька, загрузив в себя нужное юношескому организму количество вкусностей, убежала, сообщив, что у нее срочные дела. «Ну да, – подумала я, – дела… Начинается просто очередной любимый сериал. Или «Мыслить как преступник», или «Уайтчепел», или «Последователи».

Мы остались, все такие взрослые и умудренные жизненным опытом, и поэтому, окончательно расслабившись, я налегла на вишневую настоечку. Честное слово, ничего вкуснее нет на свете… И даже настроение от нее возникает легкое, чуть хмельное и какое-то радостное. И все, в общем-то, становится тебе по фигу. Тетки мои тоже, расслабившись под действием наливки, забыли и про Витьку, и про Асины шрамы, и про все свои беды-печали. Даже у Аси щечки порозовели и глазки заблестели.

– А мы Асеньку уговорили, Тань, чтобы завтра-то она нам спектакль показала… – радостно поделилась со мною тетя Катя.

Я чувствовала, как она гордится своей красавицей-дочкой и как ей хочется немножко похвастаться ею.

– Она вчера мне монолог читала, так веришь, Танюш, я чуть не всплакнула, – шепотом сказала она мне. – Так все правдиво, и Аська-то переживала все это так, будто с ней все происходит, а не с Офелией этой…

Ася, услышав последние материнские слова, слегка засмущалась, но улыбнулась, явно польщенная.

– Значит, Вадик все-таки выбил у чиновников возможность ставить Шекспира? – поинтересовалась я без всякой подлой или задней мысли, просто из любопытства. Мне было интересно посмотреть, что сотворил мой приятель, который всегда был довольно талантливым и с идеями в голове, а идти просто так в театр мне не хотелось. Я на самом деле не очень люблю театры и предпочитаю дома, в уюте и тепле, наслаждаться прекрасным.

Тем не менее Ася почему-то смутилась и отвернулась.

– Это… да, но это не Вадим, это… я в новом театре, – пролепетала она. – Его совсем недавно открыли, он еще неизвестен…

Я могла бы интересоваться и дальше, потому что уж новости-то я смотрю с маниакальной страстью, поскольку оттуда иной раз можно почерпнуть очень важные сведения для моей работы, но, насколько помню, никаких оповещений о появлении в Тарасове нового театра я не слышала. На мой взгляд, четырех, имеющихся в городе, нам за глаза хватит. Все равно туда только школьников силой волокут да пожилые граждане иной раз ходят. Но, размякнув от пирогов и плюшечек, я совсем не хотела вдаваться в эти подробности и просто кивнула. В конце концов, что мне все эти Асины Гекубы…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.